

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/50/2

Г.Н. Бибилов

III ОТДЕЛЕНИЕ И НАДЗОР ЗА ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ: СЛУЧАЙ ГУБЕРНАТОРА И.Д. ТАЛЫЗИНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-257.2017.6).

На примере служебной карьеры И.Д. Талызина (1799–1844), служившего в 1830–1840-е гг. исполняющим должность начальника Омской области, тобольским и оренбургским гражданским губернатором, рассмотрен механизм надзора III Отделения за высшим губернским чиновничеством. По донесениям чинов Корпуса жандармов осуществлялись перестановки в губернаторском корпусе, назначались сенаторские ревизии. Надзор III Отделения за губернской администрацией не был закреплен в законодательстве, но был плотно встроен в систему государственного управления. Постепенное укрепление центральных государственных ведомств сужало пространство жандармского надзора.

Ключевые слова: III Отделение; Корпус жандармов; коррупция; губернаторы; местное управление.

Становление регулярных государственных учреждений в абсолютистских монархиях Западной Европы принято относить к XVI–XVIII вв., а применительно к России – к XVIII – началу XIX в. В условиях усложнения социальной структуры и экономики государственный аппарат выступал опорой монархической власти. Одновременно государственные учреждения сужали традиционные prerogatives придворной аристократии и ограничивали власть монарха, вынужденного делегировать полномочия бюрократическим кругам. Исследователи подчеркивают, что на определенном историческом этапе верховная власть стремится выйти из-под опеки разрастающейся бюрократии, найти альтернативные источники получения сведений для принятия политических решений, наладить дополнительный надзор за административным аппаратом.

В этой связи в институциональной теории применительно к абсолютистским государствам Нового времени принято говорить о складывании самостоятельного «института монарха» и «агентах» верховной власти [1–3]. В рамках этой традиции финский историк П. Мустонен полагает, что в России первой половины XIX в. «сохранение влияния самодержавия на административный аппарат можно было обеспечить» главным образом через «использование верховным правителем сети личных агентов и агентств, способных действовать в обход регулярных органов», что «позволяло ему сохранять свою автономию и личный контроль над важными отраслями государственного управления». Историк указывает: «В начале XIX века актуализация роли самодержца нашла отражение в создании влиятельного агентства в лице Собственной Его Императорского Величества канцелярии» [4. С. 296–297] (здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены). Б. Линкольн отмечает сходство императорской канцелярии и многочисленных секретных комитетов первой половины XIX в. как учреждений, представ-

лявших в государственном управлении непосредственно императорскую волю [5. С. 100].

Реорганизация в 1826 г. ведомства высшей полиции в виде учреждения III Отделения собственной его императорского величества канцелярии (далее – III Отделение) с приданным ему военизированным Корпусом жандармов не только была направлена на усиление надзора за оппозиционно настроенными общественными группами после восстания декабристов, но не в последнюю очередь была вызвана стремлением самодержавной власти учредить постоянный негласный надзор за центральной и местной бюрократией. На эту сторону деятельности III Отделения 1830–1840-х гг. обратили внимание дореволюционные правоведы. И.А. Блинов указал, что с учреждением III Отделения, «несомненно, имелось намерение пользоваться этим отделением и находящимися в его ведении жандармами для надзора за управлением и открытия различных злоупотреблений. Таким образом, действуя как постоянное учреждение, подчиненное непосредственно монарху, III Отделение должно было бы стать конкурентом Сената по надзору за местным управлением, – и притом конкурентом весьма деятельным и хорошо осведомленным, так как оно имело специальные, исключительно ему подчиненные органы на местах» [6. С. 546].

В 1970-е гг. американский историк Дж. Яни применил концепцию «личных агентов» монарха к жандармскому штаб-офицеру николаевской эпохи и пришел к выводу, что надзор за губернской бюрократией составлял основную сферу приложения усилий этих чинов – «военной элиты, отобранной по принципу высокой моральной ответственности и искреннего стремления принести службой пользу государству». По мнению Яни, жандармский надзор за служебной деятельностью чиновников опирался преимущественно не на правовые нормы, а на критерии морали и этики [7. С. 224–227].

В этом ключе новейшая историография местного управления дореформенной России также постепенно включает III Отделение и Корпус жандармов в орбиту своего внимания в контексте изучения злоупотреблений и негласной бюрократической иерархии, формального и неформального надзора за бюрократией. Отмечено, что высшая полиция не только контролировала деятельность губернской администрации посредством жандармских офицеров, но оказывала влияние на кадровые перестановки в рядах губернского чиновничества [8–12]. В отдаленных от Петербурга губерниях такое влияние, как правило, было более выраженным [13, 14].

Специальные исследования, раскрывающие характер жандармского надзора за местными государственными учреждениями, в историографии почти отсутствуют. В настоящей статье надзор высшей полиции за губернским чиновничеством рассмотрен на примере служебной карьеры И.Д. Талызина, служившего в 1830–1840-е гг. исполняющим должность начальника Омской области, тобольским и оренбургским гражданским губернатором. В центре внимания – не детали служебной деятельности чиновника, а влияние высшей полиции на его служебный и жизненный путь, а главным источником исследования выступают материалы делопроизводства III Отделения.

О жизненном пути Ивана Дмитриевича Талызина сохранились отрывочные сведения, преимущественно опирающиеся на данные формулярного списка. Он родился в 1799 г. в семье сенатора Дмитрия Михайловича Талызина, в 1817 г. поступил на военную службу в Троицкий пехотный полк, а в следующем году был переведен на Кавказ в Херсонский гренадерский полк. В 1820 г. Талызин находился при генерал-майоре А.А. Вельяминове в походе в Имеретию и Грузию, а в январе 1821 г. за отличие в сражении переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк с назначением адъютантом к командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии А.П. Ермолову. Сохранились сведения, что в январе 1826 г. Ермолов направлял Талызина в крепость Грозную с весьма деликатным поручением: произвести по высочайшему повелению арест А.С. Грибоедова, позволив тому предварительно уничтожить все компрометирующие бумаги [15. С. 555–557]. В августе того же года Талызин прибыл в Москву с депутатами мусульманских провинций «и находился с оными в Москве при коронации Николая I, где награжден бриллиантовым перстнем и годовым жалованьем по грузинскому положению» [16. Л. 39–47]. Осведомленный управляющий III Отделением М.Я. фон Фок сообщал тогда, что «Талызин (курсив в тексте документа. – Г.Б.), по своему положению при Ермолове и по сведениям, не мог иметь других поручений, как *поразнухать*, что говорят о нем здесь и как судят» [17. С. 288].

В марте 1828 г., вскоре после отзыва Ермолова с Кавказа, Талызину было поручено состоять при Главном штабе по военному поселению, где его служебная карьера развивалась весьма успешно: в 1830 г. он был произведен в капитаны, а спустя два года – в полковники.

Поворот в судьбе Талызина произошел в ноябре 1833 г., когда он был назначен председателем Омского областного правления с оставлением по армии. Этот перевод следует связать с фигурой генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова, который приходился родным братом ближайшему сподвижнику Ермолова. В последующие годы Талызин неоднократно «за отсутствием омского областного начальника исправлял его должность» [16. Л. 39–47], другими словами, управлял областью.

После перевода с Кавказа Талызин по-прежнему воспринимался современниками как человек из окружения Ермолова, «ермоловец». О его деловых качествах и стиле управления гражданской частью можно судить по косвенным свидетельствам, которые рисуют портрет принципиального и жесткого руководителя. Один из очевидцев его службы в Оренбургской губернии писал: «В начале 40-х годов был в Уфе губернатором Ив. Дм. Талызин, человек очень умный, дельный, живой и горячий. Был он недоволен городским головою Н... Призвав его и распушив, как водилось, он между прочим заметил: “Ты сегодня у меня голова, а я завтра из тебя сделаю пешку и кровь выпущу!”» [18. С. 82–93]¹. Другой свидетель вспоминал: «Раз как-то губернатор Талызин <...> грозой налетел на Челябину и страшал <...> что в уезде непременно найдет много беспорядков» [19]. По мнению М.М. Ребелинского, служившего в начале 1840-х гг. в Уфимском казачьем полку, Талызин, «обладавая значительным умом <...> был хитер, зол и развратен. Но все эти качества были прикрыты лоском и умением скрывать их» [20. С. 134]; кто-то из современников отзывался о нем словами «большой кутила» [21. С. 260]. По сведениям историков, в Уфе «отношение к И.Д. Талыzinу <...> было неоднозначным. Все признавали его ум и деловые качества, но мало кто испытывал к нему симпатию, отмечали его злопамятность» [22]. Формулярный список о службе Ивана Дмитриевича за 1840 г. указывает, что к тому времени он оставался холостым, недвижимым имением не владел.

К концу 1830-х гг. территория Российской империи была поделена на восемь жандармских округов. С распространением жандармской организации на Царство Польское (1832), Сибирь (1833) и Закавказье (1837) жандармский надзор охватил всю империю, за исключением Области войска Донского. В историографии неоднократно отмечалось, что основной поток сведений о состоянии местного управления и общественных настроениях в губерниях поступал в III Отделение от жандармских штаб-офицеров, которые в течение 1830-х гг. были определены во все губернии, входившие в состав округов Корпуса жандармов. Губернские штаб-офицеры были независимы от губернатора и других местных властей, но не получили административных полномочий в отношении губернских чиновников, не имели права наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных. Начальники округов в со-

ставе жандармского корпуса выступали координирующим звеном между III Отделением и штаб-офицерами в губерниях.

С момента учреждения III Отделения в 1826 г. ведомство высшей полиции начало оказывать непосредственное влияние на кадровые перестановки в губернаторском корпусе. Институционализация жандармского надзора за губернским чиновничеством относится к началу 1830-х гг. В феврале 1832 г. секретным циркуляром шефа жандармов и главного начальника III Отделения графа А.Х. Бенкендорфа жандармским штаб-офицерам было поручено дважды в год доставлять в III Отделение сведения о губернских чиновниках, «которые своим званием, или богатством, связями, умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания», при этом «основываясь на беспристрастном отзыве людей достойных и доверенных» [23. Л. 4] (про полугодовые жандармские отчеты см.: [24, 25]). Эти сведения Бенкендорф передавал ответственным министрам или докладывал императору.

Служебная деятельность И.Д. Талызина в Сибири впервые попала в поле зрения III Отделения в начале 1837 г. В ведомство высшей полиции поступил донос, подписанный неназванными жителями села Харино в окрестностях Омска, которые якобы оказались невольными свидетелями пьяного дебоша, устроенного Талызиным с друзьями во время загородной прогулки, – и «были поражены ужасом неистового нашествия сих инопланетных врагов». «Оскорбления сии не могли бы скрыться, – полагали составители доноса, – если бы не он был сам и тот, кому приносить должно жалобы». Донос завершался просьбой к шефу жандармов избавить край «от врага сего, которого и жандармский офицер больно боится и не смеет пискнуть» [26. Л. 5–5 об.].

Управляющий III Отделением А.Н. Мордвинов направил донос начальнику седьмого (сибирского) округа Корпуса жандармов² генерал-майору Н.Я. Фалькенбергу с поручением «разведать и уведомить меня с возвращением оно, как о сомнительности доноса, так и о том, в какой степени оный заслуживает верования». Отзыв Фалькенберга оказался более чем благоприятен для Талызина: «Деланный на него безымянный донос есть одна гнусная клевета. Полковник Талызин, кроме приносимой им пользы службе, при отличных умственных способностях и образовании, пользуется доверием местного высшего начальства и уважением жителей города Омска. Последовавший же на него донос, полагая, произошел более от какого-нибудь лица служащего в Омской области, которому не нравится деятельность, бескорыстие и строгая взыскательность по службе полковника Талызина по чему чтобы скрыть себя в нелепом извете скрыты настоящий почерк руки и имя сочинителя» [Там же. Л. 4–4 об.].

Схожим образом развивались события в марте 1838 г., когда новый донос на Талызина был доставлен в Министерство Императорского двора и препрово-

ден оттуда в III Отделение. В подписанной омским мещанином Поповым записке были обрисованы своевольные действия Талызина по управлению Омской областью, резкое обращение с чиновниками всех ведомств (им «обижены и духовные, и почтовые, и военные, и гражданские»), Талызин прозван «человеком честолубивым, властолюбивым, корыстолюбивым и сластолюбивым», которому удалось несправедливыми путями войти в доверие к генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову [26. Л. 10–11 об.]. Фалькенберг вновь отвел все обвинения: «Утвердительно заключить можно, – докладывал результаты расследования жандармский генерал, – что выставленная на конверте фамилия мещанина Павлова есть вымышленная, для сокрытия настоящего лица писавшего безымянное письмо... Безошибочно можно отнести составление его и переписку на бело ирбитскому третьей гильдии купцу Евграфу Щепетильникову», который, по сведениям Фалькенберга, управлял питейными сборами Омской области, а в 1837 г. за допущенные беспорядки был смещен и подвергнут взысканию. «Беспорядков же по управлению бывшей Омской областью полковником Талызиным которые бы порождали явно зло не было», – заключал жандармский генерал [Там же. Л. 16–17 об.].

За годы службы в Омске Талызин удостоился ордена Св. Анны 2-й ст., монаршего благоволения «за усердные действия по общему рекрутскому набору», признательности генерал-губернатора «за благовременное и выгодное для казны распоряжение о заподряде лошадей», получал по высочайшему повелению денежные награды.

6 апреля 1838 г. в соответствии с высочайше утвержденным Положением «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» Омская область была ликвидирована. Уже в ноябре 1838 г. генерал-майор Фалькенберг взял на себя ходатайство за Талызина. В записке А.Х. Бенкендорфу жандармский генерал рекомендовал утвердить Талызина в должности тобольского гражданского губернатора: «От этой меры Тобольская губерния получит новое устройство, – уверял Фалькенберг, – генерал-губернатор будет иметь надежного и деятельного помощника, и полковник Талызин за свою истинно полезную в Сибири службу получит вознаграждение, тем более что он в настоящем чине с 1832 г. и вполне достоин места гражданского губернатора с производством в чин действительного статского советника». Фалькенберг указал на вероятные злоупотребления тобольского губернатора Х.Х. Повало-Швейковского, в том числе при постройке здания гостиницы в Тюмени, а общий посыл сводился к тому, что губернатор, «будучи увлечен окружающими своими – закоренелыми в прежнем образе правления, предоставил, можно сказать, все управление губернии своим любимцам, которые, видя расстройство многих управлений, извлекают только свои выгоды». Следовательно, заключал Фалькенберг, «явное равнодушие статского советника Повало-Швейковского к пользе

службы требует поручения Тобольской губернии другому». Понимая, что изложенные обстоятельства будут доведены до сведения генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова, Фалькенберг добавлял: «Нет сомнения, что князь Горчаков давно бы вошел с представлением о назначении другого гражданского губернатора, но, кажется, опасается упрека, что г. Повало-Швейковский определен по его выбору» [26. Л. 24–27 об.].

Бенкендорф доложил это мнение Николаю I, который повелел передать его на рассмотрение министра внутренних дел Д.Н. Блудова. Министр отозвался, что не располагает сведениями о злоупотреблениях по Тобольской губернии, но согласился с выводами жандармской записки: «Генерал-майор Фалькенберг не без основательного повода донес генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, что устранение статского советника Повало-Швейковского соответствовало бы желанию князя Горчакова... нахожу также с своей стороны, что полковник Талызин, известный по своему отличному усердию и способностям, мог бы с пользою для службы занять место Тобольского губернатора» [27. Л. 8–11].

13 декабря 1838 г. по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Талызин был утвержден исполняющим должность тобольского губернатора с переводом в гражданскую службу в чине действительно статского советника. Окончательное кадровое решение было принято, когда в январе 1839 г. был доставлен отзыв генерал-губернатора. Горчаков не вполне решительно, но поддержал как удаление губернатора — «не в полной мере доволен я г. Повало-Швейковским... но ходатайствовать об его удалении и тем помрачить всю его службу не нахожу еще причин достаточной важности», — так и назначение Талызина: «Перемена эта принесет особенную пользу для управления, где необходим самый неусыпный надзор и коего в полной мере должно ожидать от г. Талызина, отлично способного, деятельного и твердого, но коего, по пылкости нрава, вероятно, достанется главному начальству иногда воздерживать» [Там же. Л. 63–64]. 17 февраля 1839 г. по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Талызин был утвержден в должности тобольского губернатора, а Повало-Швейковский временно причислен к Министерству внутренних дел (через год он был переведен гражданским губернатором в Олонецкую губернию).

В июле 1839 г. омские чиновники, недовольные стилем управления Талызина, напомнили о себе запиской заседателя Ялуторовского земского суда титулярного советника И.И. Пушкирева «о самовластных и противозаконных действиях г. Талызина» по управлению бывшей Омской областью. Пушкирев сообщал в III Отделение о незаконном увольнении чиновников и связях Талызина с питейным откупом [26. Л. 48–49 об.]. Как и ранее, проверка сведений легла на начальника восьмого жандармского округа, который отвел подозрения от Талызина. По сведениям Фалькен-

берга, поводом для записки стал конфликт Талызина с Пушкиревым, который ранее служил письмоводителем в омском городском хозяйственном управлении и за неисполнение требований начальника области был подвергнут временному аресту. Тогда решительный шаг Талызина стал поводом для замечания со стороны генерал-губернатора Горчакова, но Фалькенберг заверил Бенкендорфа, что «донос Пушкирева составлен лицами, удаленными за разные противозаконные поступки по суду и без суда», которые «решаются клеветать, не представляя ниже одного доказательства своему извету, но только затрудняют начальство не дельными просьбами, которые нигде так не заметны, как в Сибири, и где дух ябедничества сильно существует до того, что местное начальство еще не в состоянии искоренить его» [Там же. Л. 40–47 об.].

В первые же дни пребывания в Тобольске Талызин приступил к активным перестановкам в губернской администрации. 7 февраля 1839 г. он затребовал от губернского правления доставления в десятидневный срок именных ведомостей с надлежащим объяснением о всех нерешенных делах, затем провел ревизию Приказа общественного призрения, уволил смотрителя учебных заведений. Однако служба Талызина в Тобольске продлилась недолго. В начале 1840 г. его перевода стал настойчиво добиваться сам генерал-губернатор П.Д. Горчаков. На первое ходатайство, доставленное через министра внутренних дел, Николай I отозвался, что считает Талызина «полезным на занимаемом месте» [Там же. Л. 50]. Тогда Горчаков воспользовался посредством шефа жандармов. В записке от 14 марта 1840 г. он упомянул предполагаемые злоупотребления гражданского губернатора по заготовке продовольствия для войск и одежды для полицейских чинов Тобольской губернии (по которым «не усомниться если не в чистоте намерений, то в заботливости губернского начальства довольно трудно»), но общий контекст не оставлял сомнений, что просьба Горчакова вызвана более личными мотивами и столкновением амбиций: «Желал бы, чтобы ему было внушено, что обязанности губернатора не ограничиваются одним облечением распоряжений своих в определенную оболочку, что он поставлен Государем Императором, дабы мне содействовать и исполнять мои распоряжения, хотя и не совсем согласные с его намерениями». Горчаков заключал: «Не смею скрыть, что и самое управление его оказывается не вполне соответствующим тому, что ожидал от чиновника, мною рекомендованного». Бенкендорф доложил записку Николаю I, который обратил внимание на предполагаемые злоупотребления начальника губернии и наложил резолюцию: «Все здесь помещенное, как ни называет оное князь Горчаков, приняв, что оно совершенно справедливо, составляет достаточные причины обвинению губернатора Талызина и князь Горчаков не имеет права скрывать подобное, но должен о том представить законным порядком» [26. Л. 50–52 об.], другими словами, войти с представлением в Министерство внутренних дел.

На вероятную подоплеку этого служебного конфликта указал декабрист М.И. Муравьев-Апостол. По его воспоминаниям, Горчаков приблизил к себе служившего в Сибири декабриста С.М. Семенова, «назначил его начальником отделения и поручил ему рассмотреть дела, решенные Талызиным в бытность последнего омским областным начальником... Семенов, просмотревши дела, решенные Талызиным, отозвался о них неодобрительно, указавши в них явное отступление от закона, чем нажил себе в Талызине непримиримого врага. Последний стал писать в Петербург, что Западною Сибирью управляет государственный преступник. Из III отделения сообщили этот донос кн. Горчакову...» [28. С. 217].

Войти с формальным представлением в министерство Горчаков не решился – или не успел. Когда в мае 1840 г. образовалась вакансия гражданского губернатора в Оренбургской губернии, министр внутренних дел А.Г. Строганов предложил перевести Талызина в Уфу³: «Зная желание Тобольского гражд. губер. действ. стат. советника Талызина получить увольнение от сей должности, – докладывал Строганов императору, – и принимая в уважение неоднократное ходатайство генерал-адъютанта Перовского о переводе Талызина в Оренбургскую губернию я нахожу в таком случае весьма удобным и даже полезным для службы определить его... начальником Оренбургской губернии» [16. Л. 3 об.]. Таким образом, перевод Талызина в Оренбургскую губернию стал следствием ходатайства военного губернатора Оренбурга и командира Отдельного оренбургского корпуса генерал-лейтенанта В.А. Перовского, которому Талызина рекомендовал А.П. Ермолов [26. Л. 68]. Указ о назначении Талызина последовал 29 мая 1840 г.

По поводу отъезда Талызина из Сибири декабрист М.А. Фонвизин писал: «Я лично хотя и не имею причины жаловаться на Талызина, но очень рад, что мы от него избавились. Он один из тех людей, которые мягко стелют, да жестко спят» [21. С. 262]. Фалькенберг в донесениях в Петербург продолжал поддерживать гражданского губернатора, но остался в неведении об обстоятельствах его перевода в Оренбург и сетовал, что «к несчастью какие-то тайные причины поселили несогласие между генерал-губернатором Западной Сибири князем Горчаковым и губернатором Талызиным, последствия кончились тем, что действительный статский советник Талызин переведен в Оренбургскую губернию» [29. Л. 18]. В отчете по управлению восьмым округом Корпуса жандармов за 1840 г. Фалькенберг высоко оценил служебную деятельность Талызина уже в Оренбургском крае – губернатор был изображен как «умный, деятельный человек», но «если коснется к искоренению по возможности зла во вверенной ему губернии, то встретит сильное противодействие от близких лиц к генералу Перовскому» [30. Л. 2–3].

Специфика Оренбургской губернии как приграничного региона, расположение здесь Уральского и Орен-

бургского казачьих войск, Башкиро-мещерякского войска определили особый военный характер управления краем: с 1796 по 1851 г. губерния находилась одновременно под управлением военного и гражданского губернаторов. Однако в мае 1840 г. В.А. Перовский отбыл в Санкт-Петербург, а в 1842 г. был уволен от занимаемой должности. В это время гражданский губернатор по большей части один руководил ходом гражданских дел.

С переводом Талызина из Сибири поток доносов на него временно иссяк. На новом поприще гражданский губернатор занимался переводом государственных крестьян в казаки в связи с принятием в 1840 г. «Положения об Оренбургском казачьем войске», за что был удостоен ордена Св. Станислава и пожалован 2 тыс. десятин в Вятской губернии.

Однако в октябре 1841 г. в III Отделении была получена записка из Уфы, доставленная на имя цесаревича Александра Николаевича. Новый донос на Талызина, подписанный именем бутульминского мещанина Павла Маслова, состоял из последовательно изложенных обстоятельных сведений о злоупотреблениях по управлению Оренбургской губернией. Доноситель обвинял гражданского губернатора в том, что он к отягощению крестьян перенес рекрутские присутствия из Бугуруслана в Мензелинск, руководствуясь интересами содержателей винных откупов («по видам откупщиков знакомых ему, из которых один всегда квартирует у него»), в противность законам уволил и вытеснил со службы 13 чиновников, включая уфимского полицмейстера и двух советников губернского правления, чьи места заняли знакомые губернатору выходцы из Сибири (и незаконно получили не в зачет годовой оклад жалованья), а также отдал казенное здание в центре Уфы под частный театр. Доноситель писал о грубом обращении Талызина с подчиненными и самоуправстве (на журнале строительной комиссии губернатор якобы написал: «Знаю, что закон так велит, да я не хочу»), отмечалось невозддержанное и даже не вполне пристойное поведение губернатора, происходящее «от безнравственности Ивана Дмитриевича Талызина, увлекающегося постоянно в разгульную жизнь, в чем и сомнения нет» [31. Л. 24–35 об.].

Содержание доноса указывало, что к его составлению были причастны служащие губернских присутственных мест: в тексте были помещены списки уволенным, назначенным и получившим не в зачет жалование чиновникам, номера исходящих бумаг о награждении прибывших из Сибири служащих, ссылки на законодательство о гражданской службе.

Новое свидетельство неблагонамеренности Талызина невольно привлекло внимание Бенкендорфа. Донос был доложен императору. Николай I поручил «произвести под рукой расследование для удостоверения в справедливости содержания сего доноса» [26. Л. 93] оренбургскому губернскому жандармскому штаб-офицеру. В адрес министра внутренних дел последова-

лю уведомление от шефа жандармов: «До меня неоднократно уже доходили сведения о самовластных и противозаконных действиях д.с.с. Талызина... а потому не изволите ли Ваше Превосходительство признать нужным включить его Талызина в число тех гражданских губернаторов, которых Вы уже имеете в виду с невыгодной для них стороны» [26. Л. 61].

Негласное исследование по доносу было поручено жандармскому подполковнику Алексею Григорьевичу Краевскому, который служил в Уфе с 1829 г. — сначала в должности начальника уфимской жандармской команды, затем чиновником по особым поручениям при военном губернаторе и, наконец, губернским жандармским штаб-офицером [32]. Краевского трудно было заподозрить в симпатиях к Талыzinу. Ранее он передал в III Отделение рапорт уфимского полицмейстера, отказавшегося служить под началом Талызина за понесенные оскорбления. Краевский уверял тогда, что удостоверился «из под руки в справедливости этой жалобы» и заключил, что губернатор «будучи раздражительного и упорного мстительного характера оскорбил заслуженного и покрытого ранами штаб-офицера... за то только, что это назначение последовало не по его... желанию» [26. Л. 58–59]. Краевский также доложил, что обсуждал деятельность Талызина в конфиденциальном разговоре с военным губернатором В.А. Перовским и выразил ему удивление, что Оренбургский край «находится в самовластном управлении такого лица, которое не только не имеет высоких качеств, потребных для начальника столь обширной губернии, но даже ни одной черты, характеризующей порядочного честного человека» [Там же. Л. 72 об.].

В первом кратком отзыве на донос за подписью Маслова Краевский усилил тональность критики, обвинив губернатора в бестактном обращении и аморальном поведении: «Обхождение г. Талызина с чиновниками простирается до неимоверной наглости и даже нет лица, управляющего в губернии какою либо отдельною частью, которому бы он не сделал оскорбления. Тамошние архиеры, губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, батальонный командир и председатели палат все испытали наглость и притязательность его». Более того, «иногда подобные ругательства сопровождаются собственноручными толчками и пинками», губернатор «дозволяет себе дерзкие и предосудительные выражения; склонность же его к азартной карточной игре и к бесчинным оргиям, коим он предается даже публично, до крайней неумеренности, совершенно унижают его в глазах благомыслящих людей». Неудивительно, заключал Краевский, что Талызин «в течение года своего губернаторства добился ненависти всех вообще сословий» [Там же. Л. 68–72].

В отзыве губернского штаб-офицера сквозила неприкрытая неприязнь к губернатору, но документальных свидетельств злоупотреблений представлено не было. Записка Краевского поступила в III Отделение через начальника седьмого (казанского) жандармского

округа, в состав которого к тому моменту была переведена Оренбургская губерния. Полковник П.Ф. Львов вполне в духе отчетов Н.Я. Фалькенберга посчитал нужным сообщить, что «не слышал ничего о порочном или неприличном образе его (Талызина. — Г.Б.) жизни», а недовольны губернатором чиновники, которые «пользовались слабым управлением предместников его и во зло употребляли доверенность, которую они имели и еще все те лица, кои прежде несправедливо пользовались выгодами от взятых ими в свое содержание казенных оброчных статей за дешевую цену и передаваемых ими потом крестьянам за самые высокие». Львов прозрачно намекнул, что критика Краевского в адрес Талызина могла быть предвзятой: по доходившим слухам, жандармский штаб-офицер до прибытия Талызина в Уфу имел доходы с винного откупа [26. Л. 74].

На руках Бенкендорфа оказались два жандармских донесения, содержавших разноречивые оценки. «Будучи поставлен в заблуждение, которому из означенных дошедших до меня сведений противоречащих одно другому верить», шеф жандармов обратился к военному губернатору Оренбурга В.А. Перовскому, который находился тогда в Петербурге [Там же. Л. 75]. Перовский ранее ходатайствовал о переводе Талызина в Уфу и теперь принял сторону гражданского губернатора, указав, что хотя Талызин излишне увлекается «желанием истребить мелкие злоупотребления, почти неизбежные в земском управлении, иногда позволяет себе слишком резкие отзывы и крутые меры», но из двух доносов «один, оуждающий его действия и нравственность, наполнен сведениями чрез меру преувеличенными, другой же, говорящий в его пользу, заключает много правды». За поступившими доносами Перовский, как и Львов, разглядел партию недовольных чиновников [Там же. Л. 80–81 об.].

Как пишет современный исследователь истории Оренбургского края, «обладая правом назначения, перемещения, награждения чиновников, рассмотрения дел чиновников, обвиняемых в должностных преступлениях, военные губернаторы держали под контролем чиновничий аппарат присутственных мест» [20. С. 88]. В.А. Перовский был определен в Оренбургский край по личному настоянию императора, входил в круг его доверенных лиц. Поэтому заключение военного губернатора, казалось, внесло в дело определенную ясность. В марте 1842 г. Краевский уведомил III Отделение, что Талызин устроил в городе азартные карточные игры («прочие же лица вовлекаются в игру, желая угодить начальнику губернии, который к тем только внимателен и ласков, кто принимает участие в его оргиях, сопровождаемых и заключаемых всегда карточной игрою» [26. Л. 81]), потом дополнительно донес, что губернатор «дозволил себе публично соблазнительные и оскорбительные шутки с собравшимися под качелями городскими женщинами и девками» [Там же. Л. 97]. Обе записки были переданы из III Отделения министру внутренних дел Л.А. Перовскому (брату оренбургского

военного губернатора), который распорядился их «оставить до времени» [31. Л. 15].

Однако жандармский штаб-офицер не был заинтересован в затухании конфликта. 22 апреля 1842 г. Краевский направил в Петербург итоговый отчет по результатам высочайшего поручения о негласном расследовании по доносу за подписью мещанина Маслова. Донесение на 70 листах с обширными приложениями было недвусмысленно озаглавлено «О злоупотреблениях действительного статского советника Талызина по управлению им Оренбургской губернией» [Там же. Л. 36–293; см. также: 33].

Краевский решительно подтвердил изложенные в доносе сведения. По данным штаб-офицера, перенос рекрутских присутствий произошел «единственно для пользы мензелинского питейного откупа», содержатель которого камергер Жадовский числится в ближайших друзьях губернатора, квартирует у него в Уфе, что подает «повод к достоверному по сему заключению, не допуская даже вероятия к молве, что губернатор Талызин извлекает здесь и собственные пользы» [Там же. Л. 47]. Краевский приложил переписку и карту губернии с разделением на округа рекрутских присутствий. Штаб-офицер подтвердил и сведения о махинациях губернатора при передаче казенного здания в пользование частного театра.

Краевский взял письменные показания уволенных чиновников, призванные подтвердить, что они были «вытеснены без всякой причины от своих должностей невыносимыми притязаниями гражданского губернатора». Краевский рассуждал, что удаление советников губернского правления, замешанных в предосудительных действиях, «последовало с той только целью, чтобы дать эти места людям столько же неблагонамеренным... к тому же не составившим еще обеспечивающего их состояния», – губернатор пустил в правление «вместо сытых волков – волков голодных» [31. Л. 55]. В числе вновь определенных чиновников – правитель канцелярии губернатора Маслов, служивший при Талызине еще в Омске, – «первое действующее лицо по определению к должностям чиновников, управляющий ныне и канцелярией Его Превосходительства. Кто успеет найти его расположение, или молодой жены г. Маслова, которую г. Талызин, почти ежедневно, в отсутствие мужа, в сумерках навещает, тот всегда заслужит внимание и губернатора» [Там же. Л. 100 об.]. По сведениям Краевского, ряд чиновников, прибывших с Талызиным из Сибири, были приняты на службу без необходимых документов. От себя Краевский добавил, что губернатор «в нарушение постановленных законом правил, присутствует в губернском правлении только в первые числа каждого месяца, находится в прочие дни дома» [34. Л. 41 об.].

Помимо эпизодов служебных злоупотреблений губернатора, Краевский не менее подробно остановился на характеристике его личных качеств. В записке весьма красочно изображены эпизоды грубого обращения

Талызина с чиновниками: одного губернатор пинками выгнал из зала Благородного собрания, другого толкал и отодрал за уши в своем кабинете, бранил непристойно смотрителя богоугодных заведений. «Когда губернатор ездит по уездам, – докладывал жандармский офицер, – то наводит на всех страх, ругательства и дерзости остаются единственным плодом его проездов». Отдельные подробности рисовали портрет человека склочного, не умеющего держать себя в руках и нарушающего элементарные нормы приличия и этикета. Кроме карточных застолий Талызин бал замечен «в крайне безнравственных поступках с простыми и позорными женщинами... не стыдился плясать с ними в виду многочисленного собрания дам, чиновников и простого народа». Причиной столь странного поведения, по общему мнению, являлось «употребление Его Превосходительством при питье чая, с утра, большого количества рому или мадеры, неумеренное употребление вина за столом и вообще в течение дня и ночи» [31. Л. 80 об.].

Приложение к записке включало табели назначенных и уволенных чиновников, формулярные списки, письменные показания ряда бывших чиновников, включая советников губернского правления и губернского архитектора, здесь же помещались шуточный акростих и пасквиль на Талызина («...Пасквиль ты на русских генералов! По чести, генерал ты взятокбравлов...»). Донесение завершалось в общей стилистике: «В Оренбургской губернии из злоупотреблений затянут столь крепкий узел (не гордиев, а башкирский), что развязать его, в настоящее время, нет почти возможности – его должно рассечь – к чему необходим меч обоюдоострый в руке сильной и верной» [Там же. Л. 102]. Оригиналы или копии делопроизводственных документов, за исключением переписки по рекрутскому присутствию, в донесении отсутствовали.

В III Отделении была подготовлена пространная выжимка из донесения Краевского. 28 мая 1842 г. Бенкендорф доложил ее Николаю I с заключением: «За таковые противозаконные действия действительного статского советника Талызина, а равно за буйное и безнравственное его поведение, если б даже описание оных вполноту только было справедливо, я полагаю с моей стороны, что отставление его от службы будет недостаточным наказанием и потому признаю нужным формально исследовать и обнаружить все вообще его злоупотребления и незаконные действия, послав в Оренбургскую губернию кого либо из заслуживших особенную доверенность высшего Правительства лиц, а потом предать его, Талызина, суду» [34. Л. 44]. Бенкендорф предложил направить сведения министру внутренних дел для распоряжения о назначении ревизии сенатора. Николай I согласился: «Совершенно справедливо; непонятно мне как мог его терпеть генерал адъютант Перовский» [Там же. Л. 37].

По получении из III Отделения всех бумаг министр внутренних дел Л.А. Перовский вошел в конце июня

1842 г. с всеподданнейшим докладом, где обратил внимание на отсутствие документальных свидетельств противоправных действий губернатора. «Принимая, однако ж, в соображение важность всех возводимых на него обвинений, — заключал Перовский, — я согласно с заключением генерал-адъютанта графа Бенкендорфа признаю, что вышеизложенные действия не могут более оставаться без исследования формальным порядком» [31. Л. 298]. Николай I повелел назначить сенаторскую ревизию. 7 июля указом Сената для ревизии Оренбургской губернии был утвержден сенатор А.Н. Пешуров, бывший в течение 10 лет псковским губернатором. В качестве главного источника сведений о беспорядках в местном управлении сенатору были доставлены из III Отделения копии всех записок Краевского.

Сенаторская ревизия началась в октябре 1842 г. и стала самой подробной проверкой присутственных мест губернии в XIX в. [35]. Сенатор обнаружил медленность производства судебных дел и беспорядки по Казенной палате, 15 служащих были отрешены от должностей самим сенатором, 22 чиновника преданы уголовному суду. Уже в ноябре Пешуров писал в Петербург, что обвинения в адрес губернатора не нашли подтверждения. По основному пункту обвинений сенатор докладывал, что «увольнение чиновников происходило в порядке закона и разрешалось главными начальствами их», поэтому нельзя не оправдать губернатора «в желании заменить людей свыкшихся с местными злоупотреблениями и долгое время их попускавших новыми, которых знал лично с хорошей стороны и из которых многие оправдывают его выбор и пользуются добрым мнением людей благонамеренных». В целом, «губернатор окружен людьми благородно мыслящими», в его действиях «нигде не видно выгод собственных и лихоимства», дела губернаторской канцелярии «приведены нынче в совершенный порядок и имеют весьма успешный ход» [26. Л. 119]. Равным образом Пешуров опроверг сведения о пьянстве и непотребном поведении губернатора. Отдельные эпизоды грубого обращения Талызина с подчиненными и посетителями подтвердились (среди прочего, губернатор избил мещанина Ларионова), но свидетели описанных Краевским происшествий, «кроме нескольких человек не спрошенных по отводу от свидетельства со стороны губернатора», не подтвердили показаний жандармского офицера [Там же. Л. 114–116]. Как отмечает И.М. Гвоздиков, министр внутренних дел Перовский также ходатайствовал тогда перед Николаем I в пользу Талызина [20. С. 98].

В 1830 г. Николай I распорядился, чтобы «каждый раз, при назначении сенатора на ревизию губернии, прикомандирован был к нему штаб-офицер жандармского корпуса» [36. Л. 1]. Краевскому следовало находиться при ревизирующем сенаторе и выполнять его поручения. Но неудачный для жандармского офицера ход ревизии заставил его вновь добиваться внимания и

поддержки руководства III Отделения. В декабре 1842 г. Краевский сообщил, что губернатор Талызин якобы распространяет сведения о внезапной кончине Бенкендорфа, — «может в этом разглашении скрываться неблагоприятная цель, чтобы столь печальною вестью утратить истинно угнетаемых, которые всегда имели твердую надежду на отеческую справедливость и заступление графа» [26. Л. 109 об.]. В феврале 1843 г. Краевский пошел на конфликт с ревизирующим сенатором и представил в III Отделение записку «О слабом, неправильном и даже пристрастном производстве следствия о противоправных действиях гражданского губернатора Талызина». Краевский утверждал, что «партия из главных чиновников, соприкосновенных к злоупотреблениям губернатора Талызина» (в числе которых командир Уфимского казачьего полка, управляющие Палатой государственных имуществ и удельной конторой), вовлекла сенатора в свои «бесчинные оргии», Пешуров не принимает просителей, не ревизует присутственных мест и общается только с приближенными губернатора [Там же. Л. 161–179 об.].

Бенкендорф не дал хода этим запискам, передав их самому сенатору, шеф жандармов не оказывал влияния на ход ревизии. Пешуров, со своей стороны, в декабре 1842 г. представил в III Отделение «Записку о действиях находящегося в Оренбургской губернии Корпуса жандармов подполковника Краевского», где по пунктам опроверг сообщения всех записок Краевского. Более того, Пешуров предположил, что донос за подписью Маслова был инспирирован самим Краевским, — штаб-офицер был выставлен как человек, участвующий в мелких махинациях и «слишком не разборчивый в изобретении средств к удовлетворению личной мести». «Составляя нечто в роде оппозиции против местного начальства, — писал Пешуров в отношении Краевского, — формально принимает просителей, вмешивается в дела, до него не относящиеся и действует не всегда сообразно с духом закона». Сенатор отзывался словами, за которыми легко читалась критика всей системы жандармского надзора: «Черня с такою дерзостью людей, служащих долгое время безукоризненно, какое ручательство может представить Краевский в подкрепление своих голословных изветов. Какие заслуги или личные достоинства дают ему право предполагать, что безымянные доносы и пасквили одним только им засвидетельствованные, должны быть предпочтены формальному изысканию и свидетельству людей, ни по службе, ни в частной жизни ни чем незапятнанных» [Там же. Л. 110–129 об., 159 об.]. Отзыв Пешурова был доложен Николаю I. В начале марта 1843 г. Краевский был отчислен из Корпуса жандармов по кавалерии. Формального расследования его действий не последовало.

Тогда же в марте 1843 г. Комитет министров дважды слушал отчет ревизирующего сенатора. В журнал Комитета было внесено общее мнение: «Обвинения, взведенные на оренбургского гражданского губернатора Талызина по произведенному сенатором Пешуро-

вым исследованию, не подтвердились, исключая допущенных губернатором маловажных отступлений от установленного порядка, которые впрочем никаких вредных последствий не имели и уже отвращены на будущее время». Комитет министров счел нужным вознаградить губернатора за службу: 1 мая 1843 г. Талызину был высочайше пожалован орден Св. Анны 1-й ст. [31. Л. 422–422 об.] Окончательную точку в ревизии поставил сенатский указ от декабря 1844 г. «О производстве сенатором Пещуровым ревизии Оренбургской губернии». Все обвинения в отношении губернатора были отклонены, а упущения в местном управлении «должны быть отнесены не столько к слабостью деятельности Начальства, сколько к неудобствам местного положения края, препятствующим водворению в нем прочного порядка и успешному ходу дел» [20. С. 303].

На этом служебное противостояние губернатора и жандармского штаб-офицера формально завершилось. Но в феврале 1844 г. от преемника Краевского на посту оренбургского жандармского штаб-офицера поступили новые неблагоприятные сведения о Талызине. По поручению Бенкендорфа служащие III Отделения составили сводный обзор всего дела и подробно разобрали отчет Пещурова. В служебной записке отмечалось: «Сам г. сенатор отзываясь, что Талызин чрезвычайно неровен и раздражителен характером, не в состоянии рассматривать дел хладнокровно и в порывах вспыльчивости своей легко может оскорбить всякого», однако сенатор «старается всеми мерами опровергнуть обвинения... и делается, можно сказать, более защитником или адвокатом, нежели ревизором губернатора Талызина <...> Общее заключение из сего следует то, что сенатор Пещуров не опроверг законным образом большей части обвинений против г. Талызина... следовательно донесения против г. Талызина, в том числе и донесения полковника Краевского, имели достаточное основание» [26. Л. 298–305 об.].

Бенкендорф обратился с конфиденциальным письмом к оренбургскому военному губернатору генерал-лейтенанту В.А. Обручеву, бывшему тогда в Петербурге: «Ныне дошло до меня <...> сведение, что донесения подполковника Краевского были большею частью справедливы, что господин д.с.с. Талызин при некоторых его достоинствах не был чужд многих злоупотреблений и неправильных действий; следовательно г. Краевский пострадал невинно и это обстоятельство тем более обращает на себя внимание, что означенный штаб-офицер обременен многочисленным семейством и оставшись без службы дошел до крайне бедственного положения»⁴. По бумагам III Отделения значится, что «генерал от инфантерии Обручев, отказавшись от письменного ответа, словесно подтвердил во всей подробности донесение Краевского» [Там же. Л. 313].

Гражданского губернатора Талызина могло ждать новое служебное столкновение с жандармским ведомством, но 14 мая 1844 г. он скончался в Уфе.

Отголоски реакции общественного мнения на ревизию сенатора Пещурова можно найти в воспоминаниях служившего в начале 1840-х гг. в Уфимском казачьем полку М.М. Ребелинского, который много позже писал о Талызине: «Чтобы дать понятие об этом человеке, достаточно сказать, что он, бывши губернатором, на деревенском пикнике, где было все городское общество и множество дам, напился до такой степени, что был уведен и уложен в постель; но из которой выскочил и, прибежав в одном белье, плясал в хороводе. Случай этот не остался без последствий. По Высочайшему повелению назначен был сенатор Пещуров произвести формальное следствие. Но таково было старое доброе время, что все было скрыто, и Талызин не только оставался по-прежнему губернатором, но получил еще орден св. Анны 1^й степени. Однако все это так сильно на него подействовало, что он заболел и скоро умер» [37. С. 100–101].

В течение 1844 г. Бенкендорф не решался входить к Николаю I с ходатайством за уволенного из Корпуса жандармов подполковника Краевского, на одной из служебных записок сохранилась запись служащего III Отделения: «Очень жаль, сердце болит, а помочь нельзя» [26. Л. 298]. Но уже на следующий год Краевский был утвержден адъютантом по особым поручениям к оренбургскому военному губернатору, дослужился до чина полковника и умер в Уфе в 1863 г. Еще в бытность жандармским штаб-офицером Краевский выкупил в Уфе усадьбу, где в 1790-е гг. прошло детство Сергея Тимофеевича Аксакова. Знатоки местной истории полагают заслугой Краевского, что он восстановил аксаковскую усадьбу в её исторических границах [38. С. 59–60].

Пример служебной карьеры И.Д. Талызина показывает, что к концу 1830-х гг. надзор III Отделения за губернаторским корпусом был плотно встроен в систему государственного управления.

В ведомство высшей полиции стекались записки губернских жандармских штаб-офицеров с оценкой деловых и моральных качеств высших чинов губернской администрации. Разнообразные доносы, которые служили важной формой коммуникации населения с верховной властью, также принимались во внимание и направлялись на проверку губернским жандармам. Жандармские донесения основывались на «толках и слухах» и других сведениях, полученных частным путем. Негласный, кулуарный надзор жандармов не был закреплён законодательно и не предполагал публичного разбирательства служебных конфликтов, руководство III Отделения полагалось на личные качества губернских жандармов.

Записки штаб-офицеров оперативно попадали на стол к императору, давая возможность верховной власти контролировать деятельность местных властей и принимать кадровые решения в обход министерств. Система жандармского надзора замыкалась на фигуре монарха. От постоянного доступа к императору, его

благожелательного отношения и доверия к сведениям высшей полиции проистекало влияние шефа жандармов на кадровую политику Министерства внутренних дел и других центральных ведомств. По инициативе III Отделения осуществлялись кадровые перестановки в губернаторском корпусе, назначались сенаторские ревизии, генерал-губернаторы в решении местных кадровых вопросов прибегали к посредничеству шефа жандармов.

Служебное столкновение оренбургского гражданского губернатора с губернским жандармским штаб-офицером и последующая сенаторская ревизия обо-

значили определенные пределы влияния жандармского ведомства на кадровую политику министерств. Штаб-офицер не имел права вмешиваться в распоряжения губернских властей и наводить справки в присутственных местах, это лишало жандармские донесения доказательной основы для преследования чиновников по суду. Укоренение жандармов в губернской среде, непосредственное участие в негласных служебных столкновениях делали их отчеты менее беспристрастными. Дальнейшее укрепление центральных государственных ведомств сужало пространство жандармского надзора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В годы губернаторства И.Д. Талызина уфимским городским головой был Иван Андреевич Нестеров, дед художника М.В. Нестерова.

² С 1838 г. – восьмой округ.

³ Губернские присутственные места Оренбургской губернии располагались в Уфе.

⁴ У Краевского было шестеро детей.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010.
- Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М. ; СПб., 2001. Т. 1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада.
- Мустонен П. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858. К типологии основ имперского управления. Хельсинки, 1998.
- Lincoln W.B. Nicholas I, Emperor and Autocrat of All the Russias. Indiana University Press, 1978.
- История Правительствующего Сената за двести лет. СПб., 1911. Т. 3.
- Yaney G.L. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. University of Illinois Press, 1973.
- Романов В.В. Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов – функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // Правозащитная политика в современной России. К 20-летию Основного закона государства (сборник по материалам круглого стола и всероссийской научно-практической конференции). Ульяновск, 2014. С. 124–131.
- Бикташева А.Н. Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2014. Т. 14, вып. 4. С. 110–114.
- Бикташева А.Н. Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 132–143.
- Севастьянов Ф.Л. Почему Россией управляют столоничальники? // Родина. 2013. № 3. С. 90–92.
- Ефимова В.В. Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора // Вопросы истории. 2014. № 3.
- Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995.
- Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
- Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977.
- Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 25. Д. 9.
- Из донесений М.Я. фон Фока // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.
- Свице Я.С. Уфа и уфимцы в первой половине XIX в. по запискам И.С. Листовского // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. Бирск, 2010. Вып. 3.
- Воспоминания старика крестьянина Челябинского уезда (крестьянина Таловской слободы Николая Кудрина) // Оренбургский листок. 1876. № 35.
- Гвоздиков И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010.
- Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред В.В. Коновалова. Тюмень, 2000.
- Макарова В.Н. Служение на ниве общественного призрения // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: История и современность. Информационно-аналитический бюллетень № 12. Уфа, 2011. С. 156–163.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 7. Д. 434.
- Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // Источники по русской истории и литературе. Серия «Археография и источниковедение Сибири». Новосибирск, 2000. Вып. 19. С. 204–236.
- Бибиков Г.Н. Полугодовые отчеты губернских жандармских штаб-офицеров: к характеристике источника // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Шестой междунар. конф. молодых ученых и специалистов Clío-2016. М., 2016. С. 55–58.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1837. Д. 8.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 23. Д. 162.
- Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В. Пороха и В.А. Федорова. М., 1980.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1840. Д. 198.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1841. Д. 98.
- РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 237.

33. Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4. С. 46–51.
34. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 89.
35. Гвоздиков И.М. Миссия сенатора А.Н. Пещурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии. 1842–1843 гг. // Бельские просторы. 2007. № 6.
36. ГАРФ. Ф. 109. 1 экзп. 1830. Д. 62.
37. Выписки из записок уфимского старожила генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского. Публикация Я.С. Свице // Река времени. 2014 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014. С. 100–101.
38. Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017.

Bibikov Grigory N. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

THIRD SECTION OF HIS IMPERIAL MAJESTY'S OWN CHANCELLERY AND THE CONTROL OVER PROVINCIAL ADMINISTRATION: THE CASE OF GOVERNOR I.D. TALYSIN.

Keywords: Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; The Corps of gendarmes; local administration; corruption; bureaucracy.

The aim of presented article is to examine the mechanism of control of the Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery over the highest provincial bureaucracy during the Nicholas I era. The career of Ivan Talysin (1799–1844), who served in the 1830s–1840s as civil governor in Tobolsk and Orenburg was taken as an example. The article questions several topics: what information did the Third section possess on the state of the provincial government; how did the Third section intervene in the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs and other central departments; what was the practice of interaction between the Third section and the ministries in the framework of supervision over the provincial administration. In this methodological approach the author relies on the tradition of the institutional theory in the field of historical sociology. It was noted that the emerging of professional bureaucracy within the absolutist state led to the formation of an independent “monarch's institution” and “agents” of the supreme authority caused by the monarch's intention to retain power. The activities of the Third section and gendarme officers in the province are regarded as directly representing the imperial will in public administration. The article is based on official records from the archives of the Third section (State Archives of the Russian Federation) and the Ministry of Internal Affairs (Russian State Historical Archive). In the course of the study, the following conclusions were made. The establishment of the Third section in 1826 was caused by the intention of the monarch to set a constant supervision over the central and local bureaucracy. The Third section collected regular reports of gendarmerie officers with characteristics of local officials, various denunciations were sent to provincial gendarmes for verification. Gendarmerie officers were deprived of the right to make inquiries in the documents of provincial agencies, their reports were based on information from their confidants and rumors and were not confirmed by official documents. The whole system of supervision ascended to the monarch, and the reports of the secret police provided him with an alternative source of information on the state of affairs in the provincial government and allowed to make decisions in the circumvention of the ministers. Gendarmerie control over provincial administration was not legislated, but by the end of the 1830s was tightly integrated into the public administration. The gradual consolidation of central government agencies narrowed the space for regular gendarmerie control.

REFERENCES

1. Anderson, P. (2010) *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Genealogy of the Absolutist State]. Translated from English. Moscow: Territoriya budushchego.
2. Elias, N. (2002) *Pridvornoe obshchestvo. Issledovanie po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [The Court Society. A study on the sociology of the king and the court aristocracy]. Translated from German by A.P. Kukhtenkov, K.A. Levinson, A.M. Perlov, E.A. Prudnikova, A.K. Sudakov. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
3. Elias, N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [On the process of civilisation. Sociogenetical and psychological research]. Translated from German by A. Rutkevich. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
4. Mustonen, P. (1998) *Sobstvennaya Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyariya v mekhanizme vlastvovaniya instituta samoderzhitsa. 1812–1858. K tipologii osnov imperskogo upravleniya* [His Own Imperial Majesty's Chancellory in the ruling of the institution of the autocracy. 1812–1858. To the typology of the foundations of imperial government]. Helsinki: Aleksanteri inst., Cop. .
5. Lincoln, W.B. (1978) *Nicholas I, Emperor and Autocrat of All the Russias*. Indiana University Press.
6. Filippov, A.N. et al. (eds) *Istoriya Pravitel'stvennogo Senata za dvesti let* [History of the Governing Senate for two hundred years]. Vol. 3. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
7. Yaney, G.L. (1973) *The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. University of Illinois Press.
8. Romanov, V.V. (2014) Nadzor za sostoyaniem i deyatel'nost'yu instituta gubernatorov – funktsiya politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii v 1826–1860 gg. [Supervision of the state and activities of the institution of governors - a function of the political police of the Russian Empire in 1826–1860]. In: Artemova, S.T., Bakaev, A.A. & Malko, A.V. (eds) *Pravozashchitnaya politika v sovremennoy Rossii. K 20-letiyu Osnovnogo zakona gosudarstva* [The Human Rights Policy in Modern Russia. To the 20th Anniversary of the State Basic Law]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University. pp. 124–131.
9. Biktasheva, A.N. (2014) Kadrovyy kontrol' politicheskoy politzii nad regional'nym chinovnichestvom: praktiki Kazanskoy gubernii 1826–1861 gg. [Personnel control of the political police over regional officials in Kazan Province in 1826–1861]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"*. 14(4). pp. 110–114.
10. Biktasheva, A.N. (2015) Gendarmes and the Modernization of Local Rule in Russia (Research Experience and Prospects). *Quaestio Rossica*. 2. pp. 132–143. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2015.2.100
11. Sevastyanov, F.L. (2013) Pochemu Rossiey upravlyayut stolonachal'niki? [Why Russia is governed by the heads of depaprtments?]. *Rodina*. 3. pp. 90–92.
12. Efimova, V.V. (2014) Deyatel'nost' V.S. Filimonova na postu arkhangel'skogo gubernatora [Activities of V.S. Filimonov as the Arkhangelsk Governor]. *Voprosy istorii*. 3.
13. Remnev, A.V. (1995) *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka* [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University.
14. Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri sere diny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the middle of the 19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS.

15. Nechkina, M.V. (1977) *Griboedov i dekabristy* [Griboedov and the Decembrists]. 3rd ed. Moscow: USSR AS.
16. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1284. List 25. File 9.
17. Vatsuro, V., Gey, N., Makashin, S., Myasnikov, A. & Orlov, V. (eds) *A.S. Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov* [A.S. Griboedov in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Svitse, Ya.S. (2010) Ufa i ufitmsy v pervoy polovine XIX v. po zapiskam I.S. Listovskogo [Ufa and its residents in the first half of the 19th century in the notes by I.S. Listovsky]. In: Sergeyev, Yu.N. (ed.) *Birskaya starina: Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh* [Birskaya Starina: Historical and Local History Almanac]. Issue 3. Birsk: Birsk State Social and Pedagogical Academy.
19. Kudrin, N. (1876) Vospominaniya starika krest'yanina Chelyabinskogo uezda (krest'yanina Talovskoy slobody Nikolaya Kudrina) [Memoirs of an old peasant from Chelyabinsk Uezd (Nikolay Kudrin from Talovskaya settlement)]. *Orenburgskiy listok*. 35.
20. Gvozdikova, I.M. (2010) *Grazhdanskoe upravlenie v Orenburgskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. (1801–1855 gg.)* [Civil administration in Orenburg Province in the first half of the 19th century (1801–1855)]. Ufa: [s.n.].
21. Konovalov, V.V. (ed.) (2000) *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tyumen: Tyumenskiy izdatel'skiy dom.
22. Makarova, V.N. (2011) Sluzhenie na nive obshchestvennogo prizreniya [Service in public charity]. *Natsional'nye i yazykovye protsessy v Respublike Bashkortostan: Istoriya i sovremennost'*. 12. pp. 156–163.
23. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. 1 eksp. List 7. File 434.
24. Matkhanova, N.P. (2000) Gubernatorskie otchety i zhandarmskie doneseniya kak istochnik po istorii rossiyskogo provintsial'nogo chinovnichestva serediny XIX veka [Governor's and gendarmerie reports as a source on the history of Russian provincial bureaucracy of the middle of the 19th century]. In: Romodanovskaya, V.A. et al. *Istochniki po russkoy istorii i literature* [Sources on Russian History and Literature]. Issue 19. Novosibirsk: SB RAS. pp. 204–236.
25. Bibikov, G.N. (2016) Polugodovye otchety gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov: k kharakteristike istochnika [Semiannual reports of gendarmerie officers: to the description of the source]. In: Kotov, S.A. et al. (eds) *Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkhografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobshchey istorii novogo i noveyshego vremeni* [Historical documents and topical problems of archeography, source study, Russian and general history of new and modern times]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 55–58.
26. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1837. File 8.
27. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1284. List 23. File 162.
28. Muratiev-Apostol, M.I. (1980) Vospominaniya i pis'ma M.I. Murav'eva-Apostola [Memoirs and letters of M.I. Muraviev-Apostol]. In: Porokh, I.V. & Fedorov, V.A. (eds) *Memuary dekabristov. Yuzhnoe obshchestvo* [Memoirs of the Decembrists. The Southern Society]. Moscow: Moscow State University.
29. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1840. File 198.
30. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1841. File 98.
31. *The Russian State Historical Archives (RGIA)*. Fund 1284. List 27. File 6.
32. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 110. List 2. File 237.
33. Semenova, N.L. (2011) Prichiny senatorskoy revizii Orenburgskoy gubernii 1842–1843 gg. [The reasons for the senatorial revision of Orenburg Province of 1842–1843]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 4. pp. 46–51.
34. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. List 221. File 89.
35. Gvozdikova, I.M. (2007) Missiya senatora A.N. Peshchurova. Senatorskaya reviziya v Orenburgskoy gubernii. 1842–1843 gg. [Senator A.N. Peshchurov's mission. Senatorial revision in Orenburg Province. 1842–1843]. *Bel'skie prostory*. 6.
36. *The State Archives of the Russian Federation (GARF)*. Fund 109. Expedition 1. 1830. File 62.
37. Svitse, Ya.S. (ed.) (2014) Vypiski iz zapisok ufimskogo starozhila general-mayora Mikhaila Mikhaylovicha Rebelinskogo [Extracts from the notes of the Ufa old-timer Major-General Mikhail Mikhailovich Rebelinsky]. In: Rodnov, M.I. (ed.) *Reka vremeni* [The River of Time]. Ufa: Knizhnaya palata RB. pp. 100–101.
38. Rodnov, M.I. (2017) *Dvoryanskaya usad'ba Ufimskogo uezda vtoroy poloviny XIX v. Vostok. Sever* [The noble manor of the Ufa district in the second half of the 19th century. East. North]. Ufa: [s.n.].